

ИДЕЯ И КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОКРИТИКИ

В.П. МАКАРЕНКО

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: vpmakar@aanet.eu

Работа направлена на разработку теории политической критики. Для выполнения этой задачи, автор рассматривает исторические, теоретические и философские предпосылки национальной самокритики. Теория социальной критики М. Уолцера анализируется как философское и теоретическое основание национальной самокритики. Автор предлагает добавить к этой теории концепции, разработанные Ж. Бенда (радикальный дуализм между нацией и критиком), Р. Борна (необходимость критической дистанции), М. Бубера (внутренняя критика путем уточнения понятия народности, этнической принадлежности и национализма), Антонио Грамши (позиционная война с обыденной жизнью), С. де Бовуар (феминистская критика) и др. Теория национальной самокритики, по мнению автора, должна способствовать освобождению от «религиозно-мистического национального эгоизма».

Ключевые слова: метафора «родины», европейский и русский национализм, национальная самокритика, типы политической критики.

The paper seeks to develop a theory of political criticism. To accomplish this task, the author analyzes the historical, theoretical and philosophical premises of national self-criticism. The M. Walzer's theory of social criticism is analyzed as a philosophical and theoretical foundation of national self-criticism. The author proposes to add to this theory the concepts developed by J. Benda (radical dualism between the nation and critic), R. Bourne (the need for critical distance), M. Buber (domestic criticism by clarifying the concepts of nationality, ethnicity and nationalism), Antonio Gramsci (trench warfare with everyday life), Beauvoir S. (feminist criticism), etc. The theory of national self-criticism, in author's opinion, should facilitate the release from «religious-mystical national egotism.»

Keywords: metaphor of the «motherland», European and Russian nationalism, national self-criticism, the types of political criticism.

Коды классификатора JEL: Z13.

Странная любовь

В известном стихотворении М. Лермонтов назвал свое отношение к родине «странной любовью». Из этой любви он исключил старину, славу и покой, т.е. официальную политическую историю России. Взамен поэт испытывал отраду при восприятии русской природы и этнографических свойств «пьяных мужичков». Правда, это не помешало Лермонтову – в качестве поручика Тенгинского полка — принимать участие в завоевании Кавказа. Никто ведь не мешал ему бежать за пределы «немытой России» и досягаемости «голубых мундиров» по примеру казачьего атамана Некрасова или своего современника Печерина...

«Россия, — пишет Эдуард Саид, — обрела свои имперские земли исключительно за счет соседей. В отличие от Британии и Франции, которые прыгнули на тысячи километров от своих границ на другие континенты, Россия проглатывала все земли и народы, прилегавшие к ее границам, которые таким образом расширялись все дальше на восток и юг» [23]. Значит, даже образ «милого севера» — в отличие от опасной «южной стороны», куда несутся «тучки небесные» (в другом стихе Лермонтова), — навеян территориальной экспансией. Значит, лермонтовский конфликт между

ощущением русской природы и восприятием русской державы в чувстве родины является мнимым. И не отменяет факта: поэт участвовал в «проглатывании» южных земель и народов. Здесь его поведение было банальным. Абсолютное большинство русских/советских писателей славословили территориальные захваты Российской империи, затем СССР [28]. Многие отечественные публицисты продолжают дуть в ту же дуду [35].

Правда, есть приятные исключения. Примерно столетие спустя после Лермонтова В. Набоков отказался даже от своего русского имени и языка — начал писать на английском. Такова была его реакция на одно из ключевых событий политической истории СССР: заключение договора Сталин–Гитлер. О России можно только «выть» от горя, муки и стыда за ее политику. Так определил чувство родины эмигрант В. Набоков. Простить этот вой нельзя ни вождям страны, ни ее верноподданным [9].

Могу привести еще ряд аналогичных сентенций. Но лучше оттолкнусь от факта: «странная любовь» к царской природно-этнической России спустя столетие преобразовалась в «вой» от событий советской политической истории. Как изучать природу этой трансформации?

Исторические предпосылки

Напомню, что для политической концептологии исходной является процедура дистанцирования исследователя от реальных политических процессов, систем и конъюнктуры, поскольку реальная политика в большинстве случаев является реализацией абсурда. Проблема сводится к детальному описанию всех аспектов данного абсурда с помощью корпуса социогуманитарных и политологических знаний [14].

Оттолкнусь от *противоположности* между европейским (естественным) и русским (неестественным) национализмом. Ее описал Кшиштоф Помян в книге «Европа и ее нации» [39].

Естественный европейский национализм генетически связан с христианством, которое почти три столетия было преследуемой религией. При Константине христианство стало государственной религией, взяв на себя роль прежних языческих культов. Деление на Восток и Запад, на Север и Юг сложилось внутри Римской империи. Раньше Священная Римская Империя была языковой и экономической единицей, в которой греческие провинции были богаче римских. Во всех случаях речь шла о противопоставлении варварства и цивилизации. После превращения христианства в государственную религию возникло деление на духовную и светскую власть. Раздвоение власти императора на духовную и светскую было навязано соображениями обороны, но оно придало военно-политическое измерение двойственности Империи. Теория разделения власти на духовную и светскую обусловлена стремлением сделать убедительной новую идею: государство отличается от индивидов, которые его персонифицируют и ему служат. В итоге государству был приписан статус невидимого, постоянного и успешно действующего бытия. Так с помощью идеи бога была санкционирована автономия государственной бюрократии.

В Новое время Пьер Бейль разработал концепт иного типа государства по сравнению с христианской империей. Он назвал это государство «республикой ученых». Это страна свободы, поскольку свобода тождественна самостоятельности и независимости индивида от любого партикуляризма, случайности и локальности. Гражданином такой страны можно стать только по собственной воле, а не по внешним обстоятельствам. Для этого надо освободиться от любых связей с сообществами, к которым люди принадлежат на основании рождения (семья) или внешнего принуждения (государство, нация). Граждане равны независимо от их социального статуса. Единственная иерархия в таком государстве вытекает из различия между вкладами индивидов в общее дело.

При принятии гражданства «республики ученых» человек оставляет за бортом принадлежность к религии и верность (любовь) в отношении страны, нации и семьи. Указанные принадлежности тождественны случайным партикулярным локальным свойствам, которые не могут быть конституирующими для человека. Никакой родины в таком государстве нет, и оно само не является родиной. Только разум является всеобщим, необходимым и глобальным. Ценность продуктов духовного творчества зависит от того, насколько они согласуются с разумом. Граждане этого государства должны руководствоваться такой точкой зрения, которая не зависит от любой частной системы отсчета. Если точка зрения удовлетворяет перечисленным условиям, — она объективна. Государство должно предоставить гражданину свободу совести, если он не нарушает публичный порядок.

Войны Французской революции и Наполеона открывают в Европе следующую фазу генезиса наций. Она протекала на двух уровнях: горизонтальном — каждая нация определялась по отношению к господствующей или подчиненной нации или к соседям; вертикальном — каждая страна

вынуждена была решать конфликты между образующими нацию группами, исключая собственные элиты из наднациональной культуры и распространяясь так, чтобы охватить и тех, кто в социальной иерархии занимал низшее место.

Пути преобразования европейских народностей в нации были случайной величиной. Она зависела от борьбы и взаимодействия множества сил в разных комбинациях:

1. Царствующие династии обычно рассматривались как «священные» и представляли страну перед своим населением и зарубежьем. Чувство групповой идентичности (привязанность и верность) кристаллизовалось вокруг династий.

2. Военно-бюрократические аппараты государств обладали собственными иерархиями, традициями и символами, используя организованное насилие и осуществляя контроль над подданными.

3. Территориальные связи (города, провинции, кантоны), в которых определенные права принадлежали всем жителям или выборным инстанциям. В этом случае чувство групповой идентичности концентрировалось не вокруг лиц, а вокруг традиционных форм общественной жизни.

4. Культурные элиты и институты создавали предметные и постоянные носители коллективной памяти, представлений, чувств языковой общности, территории, прошлого и будущего.

5. Религиозные институты и авторитеты тоже принимали участие в этой борьбе.

6. Сами нации и их элементы реагировали на внешнее давление других наций и внутреннее давление собственных политических институтов.

В конечном счете генезис европейских наций был различен.

Нации Англии, Дании, Франции, Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции были сформированы царствующими династиями и военно-бюрократическими аппаратами. В этих странах был подготовлен открытый конфликт между народом и государством. Представленный своими элитами народ был лишен любого влияния на общие дела, присвоенные государством.

Нации Швейцарии, Нидерландов и Бельгии возникли на основе территориальных связей.

Германия, Австрия и Италия возникли в результате деятельности культурных институтов.

Нации Восточной Европы (литовцы, латыши, эстонцы, финны, венгры, чехи, поляки) были созданы в результате воздействия собственных религиозных и культурных элит.

Так или иначе появление национальных идеологий подорвало систему европейского равновесия. Дестабилизация была усилена прогрессом военной техники. При этом армии всех государств воплощали насилие во внешней политике, а дипломатия была и остается мирной формой насилия.

Главная стратегическая цель всех государств промышленной Европы состояла в завершении вертикальной интеграции нации. Это способствовало росту вмешательства государства в общественную жизнь. На рубеже XIX–XX вв. в Западной Европе образовалась связь демократических и бюрократических институтов (включая армию). Эти институты функционируют на основе противоположных принципов, предлагают две разных модели национальной интеграции, имеют также разных внешних врагов. Вслед за этой связью в Европе возникло два типа национализма: демократический и авторитарно-бюрократический. Эти национализмы могут перетекать друг в друга на основе антисемитизма, милитаризма и шовинизма.

Русский национализм является неестественным, поскольку он возникал иначе. Московское государство не знало феодализма, сословной системы, не участвовало в первом объединении Европы, не пережило возрождения искусств и литературы, гуманизма и Реформации. Оно переняло от Византии ненависть к Европе. Россия была продолжением Московского княжества и вплоть до конца XVII в. не принадлежала к Европе. Россия была наследницей империи монголов, царь пользовался экономической независимостью, основанной на налогах, дани, монополии внешней торговли, полезных ископаемых и исключительном владении землей.

Стала ли Россия частью Европы в результате реформ Петра? Да, поскольку: создала интеллектуальную элиту (писателей, ученых, художников), научные, образовательные и художественные институты; начала принимать участие в европейских войнах и дипломатии, а значит и в истории Европы, которая взамен начала влиять на внутреннюю эволюцию России. Нет, поскольку по мере европеизации страны форма правления стала еще более самодержавной, не идущей ни в какое сравнение с европейским абсолютизмом (российский монарх всегда выходил за рамки религии и уважения к традиции); господствовало крепостное право, в котором даже дворяне не имели ни свободы, ни права на инициативу; православие как государственная религия отбрасывало все, связанное с латинским миром.

Это противоречие фиксирует центральную проблему русской культуры: *спор между старым и новым приобрел форму спора между сторонниками и противниками входа России в Европу.*

В этом смысле Россию можно сравнить с Грецией, Румынией, Сербией, Болгарией. В каждой из этих стран господствует православие, и есть свои сторонники и противники Европы. Поэтому указанные нации еще не завершили свое становление.

Вплоть до отмены крепостного права русский народ делился на две категории: бесправное крестьянство и дворянство. Поэтому национальное чувство в России приняло двоякую форму: у дворянства оно было связано с привязанностью к царю, государству, отечеству, осознанию религиозного, культурного и цивилизационного отличия от Запада, который обычно считался хуже России, а также с патернализмом в отношении крестьян; у крестьян преобладала идентичность с собственной деревней и осознание границы между ним и дворянством. Крестьянское национальное чувство концентрировалось вокруг личности царя как предмета религиозного культа и (в меньшей степени) вокруг православной церкви. Суть дела в следующем: *модернизация России после отмены крепостного права затормозила процесс формирования русской нации. Все составные элементы становления наций в России только складываются и пока еще отодвинуты в будущее.*

С другой стороны, все европейские нации с конца XIX в. оправдывают империализм, поскольку разделяют тезис о культурном превосходстве Европы над остальным миром. В результате даже культура стала инструментом пропаганды. А СССР сам поставил себя вне Европы.

Холуйство и религиозная восторженность

Что можно противопоставить указанным фактам и тенденциям? Предлагаю исходить из общего положения, сформулированного С. Франком: «Критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии» [10, с. 139]. Однако даже в эмиграции русские «мастера культуры» воспроизводили известный стереотип поведения: прав только «начальник», остальные служат ему в меру приспособленчества. Значит, и русские мудрецы не свободны от шаблона «начальству виднее».

Историки определяют этот стереотип поведения и мышления как холопство, которое распространялось по мере территориальной экспансии Москвы [32]. Присоединение к Москве Украины, затем Новороссии породило важное следствие: «Победоносен элемент великорусский и малопомалу все подчиняет своему влиянию, но во имя великорусского элемента вносится сюда великорусская мерзость; или, лучше сказать, побеждает не великорусский элемент, а какой-то немецко-российский, трактирно-московский, расейско-лакейский» [8].

Расейско-лакейская мерзость была перенесена в советский быт и приобрела свойства властно-коммунальной паранойи [30]. Свежее конкретно-социологическое исследование еще раз подтвердило: холуйство остается господствующим типом политической культуры российской «элиты» [6].

Но этот стереотип не является исключительно русским. Румынский (по происхождению) и французский (по месту жительства) философ Э. Чоран пишет: «Я — из народа рабов, отсюда мой невероятный страх перед властью, любой властью. Стоит мне увидеть человека в форме или ГОСУДАРСТВЕННОГО (выделено Э. Чораном, — В.М.) служащего за окошком конторы, и на меня нападает паралич» [34]. Значит, есть предмет дискуссии: насколько русское холуйство отличается от румынского, греческого, сербского и болгарского рабства и страха перед властью, поскольку в этих странах распространено православие. Фон для соотнесения имеется: 96% населения Голландии всегда скажет своему начальнику все, что о нем думает. Прямота голландцев выражается в пословице: «Я думаю, ты идиот, но не принимай это близко к сердцу» [16].

Кто ближе нам с этой точки зрения — румыны или голландцы? Не все русские философы были рабами. Они уже высказали идею национальной самокритики. В письме Г. Федотову С. Франк отмечал: «Русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен» [10, с. 141-142].

Из приведенных фактов вытекает: холуйство перед властью переплетено с религиозно-мистической национальной самовлюбленностью. В данном симбиозе сосуществуют: убеждение «начальству виднее»; приспособленчество; пренебрежение к независимой мысли. Как реализовать идею национальной самокритики для освобождения от религиозно-мистической национальной самовлюбленности?

Православие и внутренняя колонизация

В книге почти двадцатилетней давности я показал: «В какой бы стране ни приходили коммунисты к власти, они делали из своего «марксизма» такую идеологию, действительным содержанием которой был национализм, расизм или имперские амбиции. Большеви́стская партия способствовала пробуждению националистических идеологий, используя их в качестве средства взятия и удержания власти. То, что происходит сегодня, свидетельствует, что коммунисты сами произвели на свет своих могильщиков» [12].

Сходные мысли высказывает уже упомянутый Кшиштоф Помян, фиксирующий связь между радикальным национализмом и революционным социализмом. На первый взгляд, они базируются на разных традициях. Радикальный национализм опирается на романтизм и монархию, использует риторику частного (нации, расы, земли, крови), рассматривает войну как защиту отечества. Революционный социализм апеллирует к Просвещению и якобинцам, использует универсальную риторику (интернационализм, человечество, мировая революция) и рассматривает войну как империалистическую бойню. На деле радикальный национализм совпадает с революционным социализмом в ряде пунктов: отбрасывание парламентарной демократии со всеми ее составными частями; отбрасывание правления права; отбрасывание границ между публичной (контролируемой государством) и частной сферой; отрицание рынка как механизма распределения благ; трактовка насилия как нормы политической жизни [39, с. 194-196].

Указанные совпадения полностью подтвердились в России на протяжении последних 15 лет, включая обновление связи между военно-репрессивными структурами страны и Русской православной церковью [2]. Православная церковь всегда была сторонником религиозной нетерпимости и сотрудничала с полицией и армией. Поэтому ее миссионерская деятельность носила не столько религиозный, сколько военно-полицейский характер. Например, миссионеры на Кавказе подчинялись военным комендантам Моздока и Кизляра. Обращение горцев осуществлялось на основе грубо-утилитарных мотивов. Так, по сведениям тифлисского военного губернатора, число обращенных в христианство горцев Кавказа к 1828 г. достигло 62 249 человек. В то же время он отмечал, что горцы получали при крещении по 10 аршин холста и потому крестились по несколько раз [22, с. 438-442]. Православные миссионеры отбирали детей у раскольников и сектантов, а родителей лишали прав гражданства. Поэтому православные миссионеры получили кличку «опричников духовенства» и «шпионов правительства». При Николае I сложилась также программа «военного православия» как элемента международной политики России. Именно в период его царствования были приняты решения о строительстве второго Храма Христа Спасителя в Москве, оглашена триада «православие, самодержавие, народность», и начал реализовываться план «монументальной пропаганды» Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. [24]. Церковь поддерживала государственный аппарат для помощи колониальной политике России [22, с. 442-455].

Но эта политика направлялась не столько против инородцев, сколько против коренного населения. Главные пути российской колонизации были направлены внутрь метрополии — в тульские, поморские, оренбургские деревни. Здесь государство раздавало латифундии и подавляло восстания, открывало общину и записывало фольклор, изучало старинные обычаи и религии, привозило в столицу уродов и раритеты, направляло паломников в страну Востока. Миссионерство, этнография и экзотические путешествия — характерные феномены колониализма. В России они были обращены внутрь собственного народа. Классические империи имели заморские колонии в разных концах света. Россия колонизировала свое собственное население. Такова природа российской внутренней колонизации, самоколонизации и вторичной колонизации собственной территории. Внутренняя колонизация включала военные и иностранные поселения, переселения, участие имперских интеллектуалов. «В силу своей парадоксальной обращенности на себя внутренняя колонизация оказывается циклически повторяющимся, трудно завершимым процессом. В России и Америке революция совпала с деколонизациями. В американском случае освобождение от внешней зависимости закреплялось в законах и институтах, становясь необратимой основой национального взросления. В русском случае революционное разрушение системы внутренней колонизации вело к циклическим процессам воссоздания ее в новых формах» [38].

При описании данных форм надо учитывать, что в последние годы в отечественной историографии пересматривается концепция мирного и добровольного присоединения нерусских народов и территорий к России. Акцент делается на завоевании, колониальной политике и экспансии. Изуча-

ются факты и степень сопротивления русским местному населению и число вооруженных столкновений. Первыми представителями русского народа и власти были «государевы служилые люди» и «промышленные люди» — русские пионеры-землепроходцы. Обобщенный портрет механизма русской колонизации дан рядом авторов.

Например, А.В. Гринев исследовал историографию проблемы русской колонизации и показал, что на протяжении XIX–XX вв. сложилось три основных точки зрения на характер русской колонизации: обличительная оценка как следствие реакционной политики царского режима; апология российской колонизации сложилась в начале 1960-х гг. и доминировала вплоть до 1990-х гг.; в 1990-е гг. некоторые отечественные и зарубежные ученые высказывают мнение о гуманизме российской колонизации. На основе критического разбора этих концепций с учетом исторических фактов А.В. Гринев заключает: «Разговоры о какой-то «гуманизации» колонизации представляются не научными. Повсеместно и всегда это был процесс извлечения прибыли путем той или иной формы эксплуатации и сверхэксплуатации местного населения и природных ресурсов. Обычно конкретные проявления гуманизма в отношении туземцев в конечном итоге преследовали конъюнктурные экономические или политические цели властей метрополии или колониальной администрации» [3].

Как известно, эксплуатация и сверхэксплуатация не может обойтись без прямого и косвенного насилия. Я уже писал, что историко-концептологический метод позволяет детально описать физическое, ментальное и духовное насилие [13]. Как говорил Гамлет: «Весь мир тюрьма, а Дания — худшее из его подземелий». Поэтому духовно-политическое зло, воплощенное в государственных институтах своей родины, нуждается в детальном описании.

Факты и тенденции

Социолог Б.А. Грушин обратил внимание на интересный факт: перед перестройкой комсомольские вожак перебежали в КГБ, в результате чего аппарат госбезопасности первым воспользовался в своих целях перестройкой и последующими преобразованиями [5]. О каких же целях идет речь? На этот вопрос отвечает историк А.В. Островский: «Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные конфликты? Кто выводил диссидентское движение из подполья? Кто готовил и осуществлял «бархатные» революции? КГБ. Учреждение, которое должно было стоять на страже интересов советской империи, вольно или невольно стало одним из ее могильщиков. И ведь никто не застрелился. Как академик Легасов. Как Зубатов» [19].

Действительно, во время существования СССР вне критики оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасности, армии и внешней политики. Я довольно давно показал, что все эти институты и сосредоточенные в них группы являются, как правило, реакционными и консервативными частями политической машины [15]. Последующее развитие событий подтвердило эту констатацию. Зато после 1991 г. открылись шлюзы для критики. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, генералы и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, главные полицеймейстеры критикуют военных, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш [4, 37, 31, 27, 1, 36, 11, 21, 33, 17]. Накапливается громадный эмпирический материал для анализа «змеиного клубка интересов» (Б. Льюис) господствующих меньшинств современной России.

Для его обобщения полезно использовать идеи бывших сотрудников и выпускников Ростовского университета. Приведу два примера.

М.К. Петров поставил проблему сравнительного изучения социокультурных типов критики. Общее свойство западной и русской критики — воспроизводство реликта антично-христианского умонастроения: «...иерархии административного всезнания, где объем знания прямо связан с положением должности, и тот, кто оказывается на вершине должностной иерархии, оказывается в силу своего положения и высшим авторитетом» [20, с. 108]. Но есть и различие между западной и русской критикой. Западная критика направлена против науки как причины отчуждения. С помощью науки репродукция омертвляется и механизмируется. Поэтому на Западе воплощается ситуация мясорубки талантов, а руководители и исполнители есть рабы и кастраты. Русская критика направлена против фигуры властного идиота — реформатора, администратора, активного деятеля социального строительства. Эти люди ни в чем не сомневаются, отличаются административным

восторгом, привыкли жить «под сенью директив и указаний». А вместо науки культивируют «конвульсии ученой мысли на скользкой философской почве». Поэтому позиция русских критиков более точна. Хотя в русской политике искусство и наука не имеют решающего голоса [20, с. 107, 98–99, 110, 24–29].

Бывший студент РГУ, затем кремлевский спичрайтер А. Бовин говорит о себе: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв». Одновременно он замечает: «Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее» [1, с. 118]. Часть правды А. Бовин открывает.

Как известно, дипломаты и разведчики в общественном мнении традиционно квалифицируются как «государственные мужи». На деле для группы российских дипломатов типичны следующие свойства:

1. Крайняя скупость (не выписывают никаких журналов и газет, не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты, распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов, доллары меняют не в бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке), грубость (особенно в консульских отделах), крайне низкая общая культура (не знают литературы, искусства, философии, современной мировой общественной мысли).

2. Не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии, в МИДе они чиновники, а за границей барахольщики.

3. Усердие подменяют холуйством (перед визитом начальства у них появляется лихорадочный блеск в глазах).

4. Уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары.

5. Отличаются крайней бюрократизацией, коррумпированностью и скаредностью (назначают дорогие цены на визы в Россию, особенно для израильтян). В целом за претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности [1, сс. 143, 468, 41, 73, 108, 160, 182, 339].

Соседи из КГБ-ФСБ и ГРУ тоже недалеко ушли. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя шоферов, врачей, уборщиц и прочих посольских холуев; 25% дипломатов посольства в Тель-Авиве были работниками спецслужб; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; многие из них — малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству, а они вели себя там как хозяева; спецслужбисты отличаются безделием, кляузничеством; за пять лет работы посол России в Израиле А. Бовин не столкнулся ни с одной государственной тайной; вместо этого — безбрежное поле чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций; они собирают сведения, какие русские девушки встречаются с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением: «Пытался пару раз собирать «соседей» для обмена мнениями. Не получилось. Как-то они имели склонность сводить крупные политические проблемы к разного рода козням, интригам, проискам сионизма»; существует мнение, что данные, которые предоставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений». «Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая информация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю этого»; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; идея бдительности и безопасности, которую лансируют в последние годы, есть «Возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки». А. Бовин сообщает попутно, что Мост-банк — это деньги МВД и КГБ. Не случайно аналитическую службу банка возглавляет Ф. Бобков — бывший зам.председателя КГБ, начальник бывшего идеологического управления. Он принес в банк не только деньги, но и досье на представителей политической и экономической элиты [1, с. 528, 70–71, 258–259, 292–293, 387, 529].

Таким образом, носители московско-расейского холуйства, о котором писал И.С.Аксаков более 150 лет назад, частично опознаны. Поэтому история и социология генезиса различных групп политической бюрократии России и связанных с ними банков — важный элемент на пути анализа духовно-политического зла на фоне общей проблемы переосмысления феномена государственной тайны в ее связи с коммерческой тайной.

На пути к теории политической критики

Теперь сошлюсь на зарубежного коллегу. М. Уолцер разработал целую теорию политической критики на основе обобщения опыта XX в. Он определяет критику как внутреннюю работу членов общества, которые подвергают сомнению его политику и практику. Критика имеет разные формы выражения, теоретическое и идеологическое содержание. Она базируется на разном социальном опыте внутри критикуемого общества. Идеальный критик — активный член общества.

Практика критики базируется на постулате «Я выражаю недовольство, следовательно, существую», который отражает суть социального бытия. Главный вопрос современности — отношение элиты и массы, специалистов и обычных людей. Внутренняя жизнь специалистов имеет смысл, если они культивируют социальную критику. Ее концепт базируется на утверждениях: 1. Критика как саморефлексирующая деятельность возникла после Просвещения и романтизма. 2. В прошлом объектами критики были поведение и мнения отдельных людей. Критика социального порядка в целом (комплекса социальных структур, практик, политических институтов и идеологий) — современное изобретение. 3. Но она пока не имеет надежной социальной позиции, роли и признания. Это надо сделать.

Для изменения ситуации Уолцер вводит различие между интеллектуалами, социальными критиками и революционерами: «...независимо от социальной принадлежности класс отчужденных интеллектуалов не тождествен классу социальных критиков» [29, с. 25]. Интеллектуалам присущ эскапизм, бегство, нежелание просвещать и реформировать массы, желание шокировать и т.д. Революционеры часто начинают как социальные критики, но большинство социальных критиков не становятся революционерами. Только консерваторы считают революционность качеством критики. Революция и критика — разные виды деятельности. Современная академическая среда институционализирует отчуждение. Общество изолирует, но в то же время и защищает тех, кто ставит под сомнение его легитимность.

Формы социальной критики — политическое осуждение, моральное обвинение, скептические вопросы, сатирический комментарий, гневное пророчество, утопические спекуляции. Критика — тотальный процесс, в котором используются два языка: дискурс религии, морали, медицины, истории, философии; народный язык, который талантливые критики поднимают на вершину логической убедительности. Критик вызывает гнев друзей и врагов и обрекает себя на интеллектуальное и политическое одиночество¹. Мужество — главная добродетель социального критика². Исторический детерминизм с нею не совместим, ибо в детерминированном мире сопротивление бессмысленно.

Мотивы социальной критики — страсть к истине, осуждение несправедливости, симпатия к угнетенным, разочарование, страх перед массами, стремление к власти. Процесс становления социальной критики специфичен. Критики обычно происходят из отсталой части страны, колонии, уходящей социальной страты, плебеев, угнетенных и париев. Обычная форма маргинальности — это страстная приверженность культурным ценностям, которые лицемерно отстаиваются в центре и которыми цинично пренебрегают на периферии. Антагонизму принадлежит ведущая роль в пробуждении критической деятельности. Самая резкая критика всегда направляется на самые близкие критику лица и группы, а разочарование — на народ и социальные институты.

Современные критики вовлечены в деятельность партий и движений и податливы опасному соблазну власти. Они рассматривают партию как потенциальное правительство, а себя — как его

¹ Вначале критики были связаны с определенным этносом (пророки Израиля) и полисом (греческие циники). Но эти формы общности ограничивают критику. Потребовалось ее универсальное обоснование. Предшественники социальной критики — пророки древнего Израиля, Христос, Сократ, софисты, римские сатирики, средневековые монахи, гуманисты эпохи Ренессанса. Мощные импульсы в этом направлении даны платонизмом, стоицизмом и христианством: «Отныне критики общественного устройства должны были покинуть родной город, который представлялся им мрачной пещерой, искать свой собственный путь к свету Истины, путь одинокий и непроторенный, и только после обретения этого света возвращаться к согражданам, имея право испытывать и порицать их. Эти вернувшиеся назад критики уже не воспринимали этнос, из которого они вышли, как родственный. Они смотрели на него с позиции вновь обретенной объективности... Поиск истины за пределами родственных и гражданских связей становится отныне характерной меткой социального критика... Дистанцированность критика создает новую разновидность критики. Но возможность эта достигается с большим трудом, поскольку требует сознательного разрыва со своей общиной. От критика героизм требуется еще до того, как он стал критиком, — когда он порывает со своей общиной и дистанцируется от нее». [29, с. 35].

² Эта добродетель не связана со сплетней как распространенной формой недовольства. Сплетня — это женский дискурс, потенциально бросающий вызов публичной точке зрения, создающий язык для альтернативной культуры. Мужчины тоже сплетничают, но именно у женщин сплетни становятся средством компенсации социальной субординации. Сплетня не требует мужества и предназначена для тех, кто не может позволить себе публичную демонстрацию мужественности. [29, с. 37].

чиновников. Но обладание властью губительно для социальной критики, ибо после прихода к власти критик перестает критически оценивать результаты своих действий: «Вся история социальной критики недавнего времени может быть описана как цепь такого рода замещений. Но всегда существовали, и существуют сейчас, критики, которые отказались ... пойти во власть» [29, с. 48-49].

Опыт таких критиков позволяет поставить проблему отношения социальной критики к народному восстанию. Х. Ортега-и-Гассет считал, что «восстание масс» требует изменить ориентиры социальной критики. Она должна быть направлена не только на руководителей государства и промышленности, но и на массу отечественных бездарей — «вертикальных варваров». Уолцер уточняет Ортега, указывая две возможности социальной критики:

1. Поражение марксизма-ленинизма свидетельствует о том, что народ не может быть средством социальной критики.

2. Народ является субъектом критической деятельности, поскольку восстание масс мобилизует общее чувство недовольства. Критик изнутри возбуждает, советует, оспаривает, протестует. Он должен занимать позицию, которая близка тем, на сторону которых становится, и в то же время сохранять независимость.

На основе указанных общих посылок М. Уолцер анализирует главные формы отчуждения (или типы) социальной критики XX в.

Ж. Бенда обосновал позицию *радикального дуализма* между нацией и критиком. Интеллектуалу опасно иметь родину, ибо национализм — сильнейшее из всех искушений. Он должен судить о ней как гражданин другой страны. Интеллектуалы должны помешать политикам и военным считать себя великими людьми, поскольку последние наполняют историю ненавистью и кровью. Интеллектуалы говорят себе и другим суровую правду. Бездомность — их естественное состояние, а жребий — чаша с цикутой. Наиболее привлекательный образ истинного интеллектуала — гражданин республики всеобщих истин³. Средневековые монахи и философы раннего Нового времени не были частью городской общины и отвергали национал-патриотизм. Мнимые интеллектуалы современности превратили нацию в культ путем отказа от общих ценностей. Оправдывали рост силы и благосостояния государств. Превратили естественный антагонизм наций в систематическую ненависть, которая в конце концов вылилась в войну.

Р. Борн обосновал позицию *критической дистанции*. Всякая служба нации и государству заинтересована в неравенстве и порождающих и оправдывающих его порядках. Большинство интеллектуалов предпочитают привилегии убеждениям, проповедуют культурный национализм и войну, оправдывают интеллектуальную нетерпимость. Отрицание этих явлений сопряжено с отчаянием. Критик подобен рабочему, который всегда находится в состоянии нужды.

М. Бубер создал образец *внутренней критики* на основе уточнения понятий народности (область коллективного опыта), национальности (коллективное сознание единства судьбы) и национализма (обостренное сознание в условиях раскола и угнетения). Он ввел понятие легитимного национализма (принцип равенства наций) для борьбы с ростом национального эгоизма. Истинное служение своей нации есть критика нации внутри нации. Нелегитимный национализм исповедует концепцию политического реализма: «Реалист видит мир как скопление национальных государств, каждое из которых рассматривается им вне его истории и культуры, следовательно, как тождественное со всеми остальными по своим целям и действиям, направленным на самосохранение и самоутверждение» [29, с. 110-111]. Бубер отвергал все атрибуты государственной власти — пушки, флаги, гербы и прочие декорации. Требовал противостоять политике государства изнутри государства. Отметил вечный соблазн государственности и политического реализма — превращать сиюминутные интересы в конечную цель. Политические интересы несовместимы с требованиями морали: «Успех как обычная мера людских дел не может служить мерой социальной критики. Социальный критик оценивается по шрамам, которые остаются у его слушателей и читателей, по конфликтам, в которые он их вовлекает, и не только в настоящем, но и в будущем, наконец, по той памяти, которую оставляют по себе эти конфликты» [29, с. 123-124].

А. Грамши — единственный коммунист XX в., которому для сохранения невинности не понадобилось выходить из партии. Он разработал концепцию *позиционной войны* с обыденной жизнью. Ее гегемония проявляется в повседневных делах, отношениях, идеях и привычках. Пока она не подорвана, захват власти не имеет смысла. Современный государь (т.е. партия) ради воплощения национально-народной воли должен быть глашатаем интеллектуальной и нравственной реформы. Партия обязана совершить культурную революцию по типу религиозной реформации и заменить

³ Образец такого интеллектуала — А.Эйнштейн, который сказал: «Политика преходяща, а уравнение вечно».

политэкономии культурной антропологией. Для постижения подлинных интересов рабочего класса воинствующий марксистский интеллеktуал не должен дистанцироваться от здравого смысла и культуры. Он должен быть одновременно критиком, теоретиком, тактиком, революционным лидером и бродячим проповедником.

И. Силоне — типичный критик своего общества и революционер. Он заплатил за это внутренним смятением, разрывом с семьей и опасной жизнью. Его радикализм — естественное продолжение традиционных духовных принципов кровного родства и дружбы. Физические странствия и тяготы изгнания — неизбежное следствие данных принципов. Силоне определил русскую революцию как всемирно-историческое поражение мечты. Поэтому современные критики должны воевать одновременно против капитализма и русско-советского социализма как извращенного средства преобразований, против денег и государства — двух видов зла, старых и ненавистных как кашель и блохи. Такова мудрость *идеологического беженца*. Это несгибаемый критик несправедливости, которого не сломили испытания. Его позиция обернулась одиночеством, но взамен породила критическую традицию здравого смысла и общечеловеческой морали.

Д. Оруэлл занимал идеальную позицию социального критика — *разрыв с корнями, потеря четкой социальной принадлежности, скептицизм и ненависть к социальной иерархии*. Критиковал истеблишмент и оппозицию одновременно: «Потребительство и патриотизм, которые культивируются правящим классом, представляют собой идеологические мистификации; задачей же социального критика является демистификация как отношения к предметам потребления, так и отношения к своей стране» [29, с. 187]. Всякая народная революция усиливает политическую и религиозную специфику общества, в котором совершалась. Поэтому левая интеллигенция Запада возвеличивала социальную реальность советской России. Оруэлл показал, что народная культура Англии связана с гегемонистской культурой английского капитализма. Поэтому отождествление общества и нации с семьей оправдано только во Фрейдовском смысле слова: сыновья должны убить отца для устранения его власти, но отказаться от всякого политического комфорта.

А. Камю — типичный представитель французской традиции критики, которая пытается играть роль Бога. Его риторика — признак *предательства*. Путь социального критика должен начинаться с отказа от социума-в-себе-самом. Но опыт Камю (особенно его позиция во время войны Франции с Алжиром) показывает, что от классовой принадлежности отказаться проще, чем от национальной. Социальный критик опирается на принципы родной страны, но применяет их с последовательностью, которая ставит сограждан в неловкое положение. Цель социального критика — задеть за живое. Все еретики, пророки, мятежные интеллеktуалы и бунтовщики принадлежат своему народу. Они знают все уязвимые места культур, к которым принадлежат по рождению. Социальная критика предполагает родство, но не единство с народом: «Социальное пространство не тождественно пространству семейному, и потому родственность критика не принимает характера внутрисемейного общения» [29, с. 223]. Всякая попытка обвинить кого-то другого, всякая ссылка на внешние обстоятельства есть акт предательства.

Феминистская критика (С. де Бовуар) и *критическая теория* (Г. Маркузе) малозначимы. Для анализа социальной одномерности требовался лишь минимальный стоицизм, а не смелость. Критическая теория выражает то, что уже существует на уровне простого недовольства. Одномерный человек — порождение текста Маркузе, а не реального общества. Нет людей, которые довольны покупкой рекламируемых товаров и услуг. Пристрастие Маркузе к отстраненному философскому языку говорит о неудаче попыток объяснить массам высокую культуру на быденном языке. Его критическая теория — это объяснение всеобщего тезиса о судьбе довольных рабов.

Суть *одиноким политики* М. Фуко — разработка понятий плюрализма и дисциплинарного общества как средств социальной критики. В политическом дискурсе Фуко отсутствуют выборы, партии, массовые движения, парламент, политические дебаты и т.д. Власть не вырастает из индивидуальных и коллективных воли и интересов. Власть народа — это обман, ибо народ есть идеологическая абстракция, которая не может править. Права и обязанности граждан и правительственная власть вытеснены профессиональной экспертизой и локальной дисциплинарностью. Теоретики легитимируют совокупность властных отношений Прошлого. Плюралисты отрицают существование центра и устраняют цель радикальной политики. На деле такой центр есть, хотя не всегда видим: «Закон и политика принимали форму, соответствующую совокупности интересов; эти интересы, навязывая форму, оказывали преобладающее влияние или полностью контролировали принятие законов и проводимую политику» [29, с. 284].

М. Фуко отвергает стратегию и тактику Ленина — захват центров власти: «Невозможен захват власти, если не существует центра, который можно захватить. Если власть осуществляется в бесчисленном множестве точек, ей следует бросить вызов в каждой из них» [29, с. 285]. Но неизвестно, как это сделать? Фуко не верил в существование полновластного государства, правящего класса, захват госвласти, замену правящего класса, демократическую революцию, поскольку народ не существует, а революционный авангард (партия) есть обреченный на неудачу претендент на абсолютную власть.

Теория Фуко — это набор инструментов *локального сопротивления* на дне государства (психиатрические лечебницы, больницы, тюрьмы, армия, школы и фабрики). Это места реального бытия власти, где терпение и страдание от нее переплетено с сопротивлением. Классовая борьба — продуктивный концепт, поскольку позволяет рационально постичь локальную борьбу за власть. Социальные структуры образуют плоть и кровь господствующего дискурса. Код управления этой машиной является научным, а не правовым. Профессиональные нормы науки победили юридические законы, а локальная дисциплина — конституционное право. Поэтому надо полностью демонтировать дисциплинарную систему — этот карательный город, континуум, архипелаг и паноптический режим. Надо отвергнуть идею общества как системы институтов и практик, а также различие невиновных и виновных: «Вина и невиновность создаются сводом юридических законов, нормальность и ненормальность — научными дисциплинами. Ликвидировать системы власти — это ликвидировать правовые, моральные и научные критерии» [29, с. 293].

Русская революция провалилась, поскольку оставила нетронутым микрофашизм повседневной жизни — социальные иерархии, дисциплинарные техники и связь «власти-знания». Каждое общество и эпоха устанавливает свой режим истины — типы дискурса, порождаемые и усиливаемые множеством форм принуждения. Для сопротивления им Фуко разработал концепт *локального интеллектуала* — ниспровергателя той особой дисциплины, в рамках которой он функционирует. Традиционные истины морали, права, медицины и психиатрии включены в процесс осуществления власти. Этот факт забывают социологи, ученые и философы.

Но Фуко не вышел за рамки структур знания, которые хотел разрушить. Его анализ повседневной политики верен и неверен одновременно. Нельзя быть критичным, если отвергаешь кодексы и категории социального контекста. Надо создавать новый контекст, кодексы и категории. Отказ Фуко делать то и другое «... есть свидетельство катастрофической слабости его политической теории и социальной критики» [29, с. 302].

Б. Брейтенбах создал модель *критика-изгнанника*, который пытается даже в эмиграции удержать связь с родиной. Писать книги — тоже способ сопротивления. Чтобы сохранить связь с народом, чье политическое и социальное устройство он решительно отвергает, такой критик вынужден заниматься тайной политикой. Но подполье похоже на отрешенность. Связь с народом, страной и культурой удержать трудно, поскольку все погрязли в отвратительной политической игре. Поэтому эмигрант должен быть непримиримым критиком нравов, взглядов и мифов своего общества. Разделять чувство стыда за свой народ и страну. Выступать против чернокожих революционеров не меньше, чем против белых реформаторов. И хотя за старым угнетением обычно следует новое, старое в любом случае надо разрушить. Иного не дано. Критик в изгнании — неприкаянный одиночка. В российской истории до сих пор преобладали критики-изгнанники, что дает основание увидеть параллель между изгнанником-африканером и русскими изгнанниками — от Герцена до Солженицына.

В заключение М. Уолцер формулирует нормы и идеал критики. Дистанция социальной критики сегодня «... по-прежнему измеряется дюймами» [29, с. 326]. Строгая объективность не достижима, поэтому критик всегда приверженец чего-то одного. Социалистические революции и национально-освободительные движения XX в. не отвечают стандартам социальной критики. Для преодоления разочарования в них есть три пути:

1. Стать апологетом. Ч. Милош детально описал советский социализм как главную форму капитуляции левой критики.
2. Стать универсальным критиком мира в целом, современности, массовой культуры и общества, бюрократии, науки и технологии, государства всеобщего благосостояния и т.д. Таков путь Маркузе.
3. Стать локальным критиком, заплатив за это радикальным сужением сферы собственной деятельности (путь Фуко).

Уолцер предлагает опираться на нравственное чувство как четвертый путь социальной критики. Это руководство к социальному и политическому знанию лучше марксизма как потерпевшей крах теории. Критик пользуется зеркалом Гамлета — безжалостно подвергает сомнению банальности и мифы своей страны и общества, выражает чаяния народа, но не отождествляет народ и государство. В состав критики входит утопия: «Надежды и идеалы обитают в определенном месте — в наших душах и повседневном понимании морали. «Нигде» не локализован только общественный строй, где чаяния и идеалы уже претворены в жизнь» [29, с. 332-333].

Существует три задачи критического исследования: выставлять на всеобщее обозрение ложные условности своего общества; выражать наиболее глубокие идеи людей о том, как надо жить; показывать другие формы лжи, надежд и чаяний. Таков идеал национально-народной критики после низвержения идолов коммунизма и национализма.

Успех критики наиболее вероятен, если она: принимает национально-народный характер; сохраняет связь с традициями социального недовольства; отвергает любую национально-народную апологетику; не превращается в пленника и средство власти; всегда занимает критическую позицию в отношении государств, способствующих укреплению стран, и движений и партий, которые защищают народ. Все иные действия ведут к поражению критики или фашистской ментальности.

Идеальный критик — это человек, отказывающийся платить дань уважения любой власти: «Именно этот отказ и обеспечивает дистанцию критики, и больше ни от чего ради критики отказываться не нужно... Решающее значение имеет независимость критика, его свобода от ответственности перед государством, от религиозных авторитетов, корпоративной власти, партийной дисциплины» [29, с. 339]. Критик должен взять на себя максимум отчаяния, но не пойти ко дну. Балансировать между солидарностью и служением и бороться с разобщенностью. Закреплять такие формы критики, которые уместны для демократической политики. В этом и состоит его мужество.

В заключение отмечу параллели между теорией М. Уолцера и аппаратом московских концептуалистов. При описании прошлой и современной России они предлагают исходить из положения: «Честному наблюдателю, пристально приглядевшемуся бы к картинам этой тишины и умирительности, со всей неприглядностью открылась бы грязь и хлюпающая бездна безнравственности, ... ужас и пустота и аморальность самых начал» [7]. Концептуалисты определили смыслы основных понятий для описания русской истории и современности.

Они предлагают описывать отношение «Россия-Запад» с помощью следующих концептов: *Россия* — это область проявления подсознательных, деструктивных аспектов западной цивилизации. *Запад* — супер-эго по отношению к России, доказательством чего служат постоянный протест России против Запада и характерное для русской культуры желание выйти за пределы западной культурной нормы. *Андерсы* — совокупное название субъектов европейской истории. *Политическая сказка* — синтез образов традиционной фольклорной иконографии и визуального арсенала советской мифологии.

Для описания русско-советской идеологии можно использовать следующие концепты: *идеоделика* — манипуляции с идеями и идеологическими конструктами, а также галлюциногенный слой идеологии; *идеотехника* — учет и каталогизация технических приемов, применяемых в ходе идеологического производства; *идеологии больших ремиссий* (христианство, буддизм, коммунизм) намекают на возможность великого отдыха; *идеологии малых ремиссий* (Дао, рыночный капитализм, психоанализ) не пренебрегают краткими периодическими облегчениями; *журземма* — галлюцинаторные образы и переживания, связанные с русским православием. Подобна варенью, в сладкие массы которого внедрен металл.

Феномены **молчания, текста и говорения** в русской культуре тоже можно описать. *Гносеологическая жажда* связывает умозрительную потребность в познании с физиологическим процессом, представлением о русском «коллективном бессознательном» как о едином нерасчлененном «теле», мучительно желающем узнать о себе, что оно есть «на самом деле». *Гносеологический шум* вытекает из гносеологической жажды и означает непрерывные и мучительные вопросы о существующем. *Зассанный матрас* — апофатическая категория для обозначения добровольной и окончательной самокомпрометации дискурса. *Текстурбация* (речеложство) — экстаз говорения, отличительная особенность речевых актов в русской культуре. *Похуй всему* — умозрительная точка полнейшей индифферентности.

Наконец, современная ситуация в России описывается с помощью концептов *про-регресс* и *хроношовинизм*. *Про-регресс* — это возврат на уже пройденные этапы в новом оснащении (например, возвращение к магической стадии культуры с помощью научно-технического прогресса). *Хроношовинизм* — пренебрежение прошлым и будущим в пользу настоящего [25].

Резюме

Таким образом, для реализации идеи национальной самокритики уже созданы исторические, эмпирические и теоретические предпосылки. Требуется их синтез для применения теории политической критики к социальным процессам в российском и глобальном масштабе. Сможет ли социальная наука возглавить этот процесс?

Сошлюсь на один пример. После взятия Берлина Советской армией были введены продовольственные карточки для групп населения побежденной Германии. Участники антифашистского сопротивления получали дополнительные продовольственные талоны. «Как-то днем в мое дежурство в приемную генерала Берзарина пришел пожилой немец с маленькой собачкой. — Я антифашист, — заявил он. — И хотел бы получить дополнительные продовольственные талоны. — А какие у вас есть документы о вашей антифашистской деятельности, какие свидетели? — спросил я. — Сейчас вы их увидите. Есть у вас кусочек сахара? Одна из наших машинисток достала из ящика стола коробочку с рафинадом. Немец взял один кусочек и положил его на пол перед лицом собаки. Та обнюхала сахар и взяла его в рот. — От Гитлера! От Гитлера! — закричал немец. Собака тут же выплюнула сахар. — Вот, видите, — торжествуя заявил немец. — Так я ее воспитал. А теперь смотрите. От Сталина! От Сталина! Собака тут же проглотила сахар и довольно облизнулась. — Вот, видите! — повторил немец. — Надеюсь, все понятно?» [26]

Или надо разяснить с учетом нынешней ностальгии, усердно распространяемой государственными СМИ и другими любителями сладкого?..

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М.: Захаров, 2003.
2. Воронцов В. В коридорах безвластия. Премьеры Ельцина. М.: Академический проект, 2006.
3. Гринева А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 109.
4. Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М.: Вагриус, 2000.
5. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. (часть 2). М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 877–878.
6. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007.
7. ЕПС: Ерофеев, Пригов, Сорокин. М.: Зебра-Е, 2002. С. 357.
8. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. 2. Письма 1849–1857 гг. 2004. С. 227.
9. История России. XX век: 1939–2007 / Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 29.
10. Кантор В.К. Философия национальной самокритики (письмо С.Л. Франка Г.П. Федотову) // Вопросы философии. 2006. № 3.
11. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. М.: Захаров, 2006.
12. Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С. 463.
13. Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009. № 6. С. 153–154.
14. Макаренко В.П. Проблема дистанции при описании социо-политической динамики России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1.
15. Макаренко В.П. Революция и власть: размышления политолога. Ростов-н/Д, 1990. С. 188–206.
16. Макаренко В.П. Экономика, власть, культура. Ростов-н/Д; Сочи, 2005. С. 56.
17. Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006.
18. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛЮ, 2004.
19. Островский А.В. Солженицын: Прощание с мифом. М., 2004. С. 570.
20. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.
21. Протоиерей Георгий Эдельштейн. Записки сельского священника. М.: РГГУ, 2005.
22. Русское православие: вехи истории / Научн. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989.
23. Саид Э. Культура и империализм. Киев: Критика, 2007. С. 45.
24. Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М.: Международные отношения, 2000. С. 204.
25. Словарь терминов Московской концептуальной школы. Составитель и автор предисловия А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. С. 123, 35, 142, 117, 41, 118, 43, 169, 43–44, 70–71, 119, 180, 78, 84, 189.
26. Стеженский В. Солдатский дневник. Военные страницы. М.: Аграф, 2005. С. 230–231.
27. Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.
28. Томпсон Е. Трубадуры империи. Русская литература и колониализм. Киев: Основы, 2008.

29. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-пресс, 1999.
30. Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.
31. Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М.: Эксмо, Яуза, 2005.
32. Хелли Р. Холопство в России: 1450–1725. М.: Академия, 1998.
33. Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М.: Республика, 1997.
34. Чоран Э. После конца истории / Пер. с франц. Б. Дубина, Н. Мавлевич, А. Старостиной. СПб: Symposium, 2002. С. 447.
35. Шаталов Б. Русская экспансия: бей первым или погибнешь! М.: ЭКСМО, АЛГОРИТМ, 2005.
36. Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002.
37. Шебаршин Л. Рука Москвы. М.: ЭКСМО, 2000.
38. Эткинд А. Бремя бритого человека или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2002. № 1. С. 296–297.
39. *Potian K. Europa i jej narody*. Warszawa, 1998.